

Мин Хуэй уже давно был готов к подобному, но, как говорится, человек предполагает, а небо располагает. События развивались стремительно, и ему пришлось в спешке уводить с собой сонм бессмертных владык. В Юсяньцзун остались лишь растерянные, охваченные тревогой ученики, которые долго стояли у каменных врат, провожая их взглядами. Вслед уходящим стелился туман, смешиваясь с серыми сумерками, а горы казались безжизненными и унылыми, усыпанными сухими ветвями.

Среди уходящих были и учителя, и друзья. Каждый понимал, что этот путь полон опасностей и, возможно, это их последняя встреча. Те, чьи сердца были мягче, а путь совершенствования короче, уже не могли сдержать слез, и даже всегда холодный Цин Янь не стал исключением.

Цин Чжи получил приказ сопровождать бессмертных владык до провинции Пэнлай. В случае опасности он должен был записывать всё на нефритовые пластины и отправлять весточки обратно в секту.

После свадьбы Цин Чжи и Цин Янь были неразлучны. Это был первый раз, когда им пришлось расстаться.

Му Янь лучше всех понимал своего старшего брата по учению. Внешне тот казался холодным и сдержанным, но на деле был глубоко предан своему спутнику. Взглянув на Цин Яня, он подошел к нему. Его голос, когда он заговорил, звучал хрипло, словно в горло насыпали песка, и лишь спустя долгое время он с трудом продолжил:

— Старший брат, не стоит так тревожиться.

Цин Янь медленно потирал кончики пальцев, на которых, казалось, еще сохранилось тепло Цин Чжи. Долгое время он смотрел в землю, опустив ресницы, трепетавшие, словно крылья бабочки:

— ...М-м.

Му Янь похлопал его по плечу, и из-под широкого рукава показалась тонкая белая рука. Цин Янь на мгновение задержал на ней взгляд, заметив, что Му Янь похудел за последние месяцы. Тот же, не замечая ничего вокруг, задумчиво смотрел на Юнь Тина, стоявшего в центре толпы, и пробормотал:

— Боюсь, в такие времена только наш старший брат может оставаться столь невозмутимым.

В его голосе смешались зависть и бессилие.

Люди ведь не трава и не деревья, как они могут не чувствовать? Сердце в груди бьется, полно желаний и страстей, а боль и тоска всегда идут рука об руку.

Но Юнь Тин не был ни человеком, ни небожителем. Его сердце, подобное глазури, было холодным и твердым. В глазах Му Яня он казался бесстрашным и равнодушным — возможно, он не проронил ни слезинки даже по своему наставнику.

Цин Янь отвел взгляд. Легкий ветерок шевельнул пряди его волос, обрамлявших лицо. Его профиль казался чистым и отстраненным, в нем сквозила холодная отчужденность:

— ...Просто еще не пришло время скорбеть.

Едва они закончили, Юнь Тин, заметив их, направился в их сторону. Он был в нефритовой короне, и в его облике теперь угадывалось благородство истинного мужа, однако в конце фразы его голос прозвучал мягко и вкрадчиво, почти как капризная просьба:

— Младший брат, не могли бы вы передать мне нефритовые пластины со всеми делами секты? Я хочу во всем разобраться.

Тон был серьезным и твердым. Казалось, он действительно принял на себя бремя главы и внезапно повзрослел.

Цин Янь посмотрел на аккуратно уложенные волосы Юнь Тина и спустя мгновение улыбнулся, догадываясь, что это Ши Сюньлюй привел его в порядок. Его старший брат, несмотря на высочайший уровень совершенствования, в быту был совершенно беспомощен, и оставалось только удивляться терпению Ши Сюньлюя, который изо дня в день помогал ему с прической.

Подумав об этом, Цин Янь кашлянул и поклонился:

— Слушаюсь, старший... глава.

Они направились в сторону дворца Уцин, продолжая беседу.

— Старший ученик Му Яня, Чжэ Цзи, пятнадцать дней назад отправился в Юэхуа расследовать слухи об эпидемии, но с тех пор связь с ним оборвалась. Они с учителем очень близки, поэтому сегодня он не в духе. Если он чем-то обидел главу, прошу, не сердитесь.

По пути им попадалось множество учеников внутренних покоев. Они весело переговаривались, летая на мечях, и воздух вокруг казался пропитанным беззаботностью.

Юнь Тин смотрел на них, задрав голову, и по пути небрежно отстранял пальцами свисающие ветви деревьев. Услышав слова Цин Яня, он озадаченно произнес:

— М-м? — он невинно поднял глаза, прозрачные, как весенний пруд под лучами заката, и искренне спросил: — ...Разве он был не в духе?

Голос его звучал тихо, в нем сквозило неподдельное недоумение. Он действительно не понимал.

Цин Янь опешил, его лицо залила краска неловкости. Он не знал, что ответить, и машинально коснулся висящей на поясе нефритовой пластины.

Верно, он сам был глуп. Откуда его старшему брату знать, что такое чужие переживания?

Он не знал, что вчера Юнь Тин полночи дулся из-за холодности Ши Сюньлюя.

Юнь Тин, глядя на то, как Цин Янь замер, уставившись в пустоту, подумал, что его младший брат выглядит сейчас так же безжизненно, как тот журавль, которого держит Цин Янь. Он перевел взгляд на нефритовый жетон в руке Цин Яня и, решив сменить тему, чтобы дать тому возможность выйти из неловкого положения, спросил:

— Младший брат, у тебя на поясе очень красивый жетон. Ты сам его сделал?

Цин Янь встрепенулся и с удивлением посмотрел на Юнь Тина. Его зрачки слегка сузились.

Старший брат... пытается сменить тему ради меня?

Выражение лица Цин Яня стало необычным, и лишь спустя время он ответил:

— Да. Долг наставника — принимать учеников и наставлять их. Чтобы было удобнее различать их и следить за порядком, каждый на пике, от учеников до учителей, носит такой жетон...

Цин Янь продолжал мягко объяснять, а Юнь Тин дернул себя за прядь волос, и контраст между его бледными пальцами и черными волосами стал еще заметнее. Он слегка нахмурился:

Он ведь еще не сделал жетон для Ши Сюньлюя.

Он действительно никудышный наставник.

От этой мысли сердце Юнь Тина сдавило тяжелым камнем. Цин Янь, заметив перемену в его настроении, тихо спросил:

— Глава, что случилось?

Юнь Тин уже хотел ответить, как вдруг его взгляд похолодел. Мощная волна духовной энергии сокрушительной силы хлынула со стороны заднего двора, подобно яростному морскому валу или клинку, рассекающему воздух. Духовные деревья вокруг них затряслись, издали противный скрип и рухнули.

В последний момент Юнь Тин ловко обхватил Цин Яня за талию и взмыл в воздух. Его белые одежды взметнулись резкой дугой. Прислушавшись, он услышал вдали встревоженные крики мечников:

— Беда! Там ученики подрались!

— Кто это такие яростные? Разнесли источник целебного пруда с фиолетовым сандалом, вода брызнула на несколько чжанов вверх...

— Это еще что! Говорят, в лесу рядом кто-то тяжело ранен, его подвесили на ветвях, пронзив стрелой. Кто же такой жестокий?

Юнь Тин уловил слово «стрела», и его зрачки сузились. Он мгновенно рванулся вперед, приземлившись на ветку у кромки леса. Там он увидел Ши Сюньлюя, всего в крови. Тот опирался на меч, воткнутый в землю, и с яростью в глазах, спутавшимися волосами и окровавленным лицом смотрел на окруживших его учеников внешних покоев. Даже в безвыходной ситуации на его губах играла насмешка:

— Кучка никчемных отбросов.

Фэн Вэй, дрожа от гнева, оттолкнул пытавшуюся вмешаться Цин И и шагнул вперед с холодным выражением лица:

— Ты, ученик-слуга без нефритового жетона, не имеешь права пользоваться целебным источником. Даже если ты занял его раньше, что мешает тебе уступить его нам?

Оказалось, конфликт возник из-за источника.

Юнь Тин легко опустился на ветку дерева и, обхватив колени руками, с тревогой наблюдал за происходящим. Он не мог просто так вмешаться — теперь он глава, и эти люди были его учениками. Как же быть?

Ши Сюньлюй, не замечая терзаний Юнь Тина, вытер кровь с губ и сложил пальцы в заклинание. Мощная энергия подняла его в воздух, а вокруг засиял золотистый свет, перемежающийся синим пламенем. Его черты лица стали еще холоднее и прекраснее.

— У меня нет желания болтать с вами. Скажу лишь одно: в следующий раз, когда решите кичиться своим высоким происхождением, следите за своим языком.

Он выглядел холодным и отстраненным. Его черные волосы развевались без ветра, а меч Тяньюань, паря перед ним, излучал электрические синие искры. С пронзительным криком, похожим на крик феникса, Тяньюань по его команде превратился в тысячи призрачных клинков, заполнивших небо, словно хвост павлина. Небо над ним внезапно потемнело, словно перед грозой.

— Меня можно оскорблять, но если я еще раз услышу хоть слово против моего наставника... — Ши Сюньлюй обвел взглядом присутствующих, в его глазах вспыхнул алый свет, и он произнес с ледяным спокойствием: — ...то все вы отправитесь на тот свет.

Тысячи клинков прорезали ночную мглу. В глазах Фэн Вэя и остальных Ши Сюньлюй сейчас казался демоном, выбравшимся из ада. Фэн Вэй широко раскрыл глаза, парализованный ужасом, который сковал его, словно ледяную статую.

Бах!

В лесу прогремел взрыв. Ши Сюньлюй, не выдержав обратного удара собственной энергии, отлетел назад, выплевывая кровь.

Он приготовился к удару о холодную землю, но вместо этого оказался в теплых объятиях, пахнущих персиками.

Боль немного прояснила его сознание, алый свет в глазах исчез. Ши Сюньлюй растерянно смотрел на разрушенный лес и не мог поверить в происходящее.

— ...Это я сделал? — прошептал он, сомневаясь в реальности.

Юнь Тин, успевший в последний момент отразить атаку, подхватил Ши Сюньлюя и, вздохнув, легонько ткнул его пальцем в лоб. Его голос звучал одновременно с досадой и нежностью:

— Ученик, ты не можешь дать мне хоть немного передохнуть?

Ши Сюньлюй, даже несмотря на головокружение, не отрывал взгляда от бледных пальцев Юнь Тина. Он не заметил, как тот бережно вытирал кровь с его губ, а в голове у него всплывали странные, чуждые образы, от которых раскалывалась голова.

— ...Хорошо, — наконец выдавил он.

Получив обещание, Юнь Тин остался доволен. Он радостно подпрыгнул, снял с деревьев тех учеников, которых подвесил Ши Сюньлюй, выстроил их в ряд и начал поучать, словно маленьких детей:

— Больше никаких драк, поняли?

Фэн Вэй и остальные были ошеломлены. Видя, что у Ши Сюньлюя нет жетона, они решили, что тот — обычный слуга, а его слова о наставнике — плод воображения. Они начали отпускать грязные шуточки, не стесняясь Юнь Тина. Но стоило им затронуть наставника, как Ши Сюньлюй, который только что был спокоен, снова пришел в ярость.

Оказывается, у него действительно был защитник.

Осознав, что Ши Сюньлюй чуть не убил их, ученики притихли и попятились, не смея больше раскрывать ртов.

Фэн Вэй, который гордился своими связями в Юсяньцзун, пытался вспомнить, откуда взялся этот Юнь Тин, но так и не смог. Его взгляд упал на пояс Юнь Тина.

Там не было жетона старейшины.

Ши Сюньлюй, заметив, как Фэн Вэй разглядывает пояс Юнь Тина, помрачнел.

Почему он пялится на пояс моего наставника?

Хоть талия наставника и тонка, и ее можно обхватить одной рукой, разве это то, на что тебе позволено смотреть?

Фэн Вэй вздрогнул, ощутив исходящую от Ши Сюньлюя угрозу, и попятился. Юнь Тин, не понимая реакции Фэн Вэя, подошел к нему и прошептал:

— Мой ученик немного непослушен, но ведь вы первыми начали отбирать его вещи, поэтому...

Не успел Юнь Тин договорить, как Фэн Вэй, словно наступивший на хвост кот, взорвался:

— Откуда взялся этот дурак? Не смей притворяться старейшиной и подходить ко мне!

Юнь Тин, будучи главой, не ожидал удара от своих же учеников. К тому же, он потратил много сил, защищая их от атаки Ши Сюньлюя, и упал на землю, ошеломленно глядя на Фэн Вэя.

Ученики внешних покоев, осознав, что происходит, начали перешептываться. Они винили Юнь Тина в том, что он воспитал такого опасного ученика. Некоторые даже осмелились пнуть его. Юнь Тин, выросший в любви и заботе, не понимал, как люди могут быть такими жестокими из зависти и страха. Ши Сюньлюй, видя это, рвался вперед, но от ран его снова стошнило кровью.

— Довольно.

Холодный женский голос прозвучал как удар по льду, заставив Юнь Тина очнуться. Ученики притихли, освобождая дорогу. Из бамбуковой рощи вышла женщина в красном одеянии с белой вуалью на лице. Ее глаза остановились на Фэн Вэе и опустившей голову Цин И.

Юнь Тин заметил, как под вуалью мелькнула легкая улыбка. Женщина подошла к нему, опустила на корточки и протянула руку:

— Вы в порядке?

Ши Сюньлюй, увидев ее, вспомнил ту девушку в красном с церемонии посвящения. В его памяти всплыл сюжет оригинальной книги:

Лю Сучи, лучшая среди учеников на испытаниях, добрая и талантливая, ученица Цин Шан. На церемонии она защитила Ши Сюньлюя и с тех пор была в него влюблена.

Защитила...

Белая вуаль, красное платье...

Ши Сюньлюй закрыл глаза, пытаясь вспомнить. Это была она?

Не успел он сопоставить факты, как увидел, что рука женщины тянется к руке Юнь Тина. Гнев вспыхнул в нем с новой силой. Он рванулся вперед, оттолкнул женщину и прижал Юнь Тина к себе, холодно произнеся:

— Наставнику не нужна твоя помощь.

Юнь Тин: «...»

Какой злой.

Лю Сучи замерла. Взглянув на Ши Сюньлюя, она почувствовала странное дежавю.

— Лю Сучи, ты хочешь пойти против меня ради этого дурака? — прошипел Фэн Вэй, не понимая, чем этот красавчик приворожил всех женщин.

— Он не дурак, — прищурилась Лю Сучи, и ее серьги мелодично звякнули. — Он — ...

— Глава!

Цин Янь, который хотел посмотреть, как его брат справится с проблемами в секте, не ожидал такого поворота. Услышав, как Фэн Вэй называет Юнь Тина дураком, он похолодел:

— Вы, ученики секты Уцзи, приехали к нам по обмену. Мы не требуем от вас поклонов, но называть нашего главу дураком — вот чему учит вас ваш наставник?!

Глава?!

Слова Цин Яня прозвучали как гром среди ясного неба. Фэн Вэй и его спутники застыли, не в силах поверить в услышанное. Они смотрели на Юнь Тина, который хлопал глазами, и готовы были упасть на колени.

Как он может быть главой?! А как же Мин Хуэй?

Ши Сюньлюй тоже был в шоке. Он вспомнил: в оригинале упоминалось, что новый глава секты Юсянь, одна из воздыхательниц «Ши Сюньлюя», по имени Лю Сучи, из ревности помогала врагам, за что в итоге была убита самим «Ши Сюньлюем».

Новый глава был второстепенным злодеем.

Как же звали нового главу?

Ши Сюньлюй жил в этом мире уже долго и многое забыл. В наступившей тишине он перевел взгляд с Лю Сучи на Юнь Тина и вдруг осознал, что никогда не знал настоящего имени своего наставника.

А в книге того главу, которого «Ши Сюньлюй» убил, вырвав сердце, звали...

Юнь Тин.

<http://bllate.org/book/19526/1914586>